

© 2006 г. Е. В. ПАДУЧЕВА

ГЕНИТИВ ДОПОЛНЕНИЯ В ОТРИЦАТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ*

Статья посвящена классической проблеме русского синтаксиса – генитиву объекта в отрицательном предложении. Показано, что генитив объекта в существенной степени семантически мотивирован, причем семантические факторы, определяющие выбор генитива объекта, принципиально сходны с теми, которые были ранее выявлены для генитива субъекта.

Относительно генитива субъекта исходная предпосылка состоит в том, что он может выражать не только несуществование, как в случае бытийного глагола или пассивной формы глагола создания (*не возникло сомнений; не строится гостиниц*), но и отсутствие в поле восприятия (*Маши не видно / не оказалось на месте*) или в сфере знаний / в личном пространстве некоего лица (*не обнаружилось таланта*), т.е. наблюдаемое (или осознаваемое) отсутствие; такое значение генитив имеет, в частности, в генитивной конструкции с глаголом *быть* (*Коли не было в Москве*).

Показано, что те же две идеи – несуществование и наблюдаемое отсутствие – определяют семантику генитива объекта. Разница в том, что в случае субъектного генитива наблюдатель / субъект сознания находится за кадром, а при генитиве объекта он может быть выражен подлежащим того же предложения (*Я не знаю этой женщины*). Тем самым получает объяснение преобладание генитивного объекта в отрицательных предложениях с глаголами создания, восприятия, знания, обладания, перемещения.

Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа.

Например: я не пишу *стихов*.

А. Пушкин

Генитив отрицания – классическая проблема синтаксиса русского языка, публикации на эту тему исчисляются сотнями. Последние десятилетия бурного развития семантики открыли принципиально новые возможности ее решения.

1. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА

До последнего времени основная часть исследований была направлена на описание условий употребления генитива и аккузатива. Между тем уже у Пушкина генитив объекта начинает уступать место аккузативу, так что на настоящий момент узус представляет собой пеструю картину исторических напластований разного времени, трудно обобщаемых. С одной стороны, сохраняется старая норма, с преобладающим генитивом; с другой стороны, идет наступление аккузатива, которое разрушает едва установившуюся семантику падежных противопоставлений.

Мы поставим задачу по-другому. А именно, начнем с семантики – с семантических противопоставлений, выражаемых генитивом объекта, и попытаемся понять, насколько они сохранились или утратились, перестали / перестают осознаваться в современном языке. Задача в том, чтобы отличить семантически мотивированный

* Работа получила финансовую поддержку в рамках проекта National Science Foundation, Grant № BCS-0418311 to B. Partee and V. Borschev, а также поддержку фонда РФНФ, проект № 05-04-04130a.

выбор от вариативности, которая характерна для ситуации смены нормы. В принципе, чистая вариативность, синонимия, языку не свойственна. Но в ситуации, когда норма меняется, разница между вариантами может быть стилистическая, а не смысловая. Основная трудность – в том, чтобы провести эту границу между семантикой и стилем.

Литература о генитиве отрицания огромна ([Restan 1960; Ицкович 1974; Timberlake 1975; Babby 1980; Апресян 1985; Mustajoki, Heino 1991] задают наиболее существенные вехи). В основном она посвящена генитиву объекта. И в основном – сочетаемости: возможен в такой-то позиции генитив или невозможен; или в трансформационных терминах: возможна или невозможна и обязательна или не обязательна замена аккузатива на генитив при добавлении отрицания в таком-то контексте.

Пионерская работа [Babby 1980] поставила во главу угла генитив субъекта, представив при этом выбор падежа субъекта как семантическую проблему – подход Бэбби можно трактовать как семантический. В центре его внимания семантические причины, которые заставляют говорящего выбирать тот или иной падеж. Отдельная заслуга Бэбби – в том, что, сдвинув фокус внимания с объекта на субъект, он поставил семантическую задачу, как выяснилось, более простую: генитив субъекта допустим при сравнительно небольшом классе глаголов, в котором семантическую мотивированность выбора гораздо легче проследить.

Книга Бэбби называется “Existential sentences and negation in Russian”; экзистенциальные предложения – это предложения существования (“бытийные” согласно [Арутюнова, Ширяев 1982]). Между тем, глагол в отрицательном предложении с генитивным субъектом (так называемый генитивный глагол [Падучева 1997]) не обязательно выражает существование: он может быть также глаголом восприятия (*Отклонений не наблюдалось*), локализации (*Отца не было на море*) и даже перемещения (*Ответа не пришло*). Да и глаголы создания могут иметь генитивный субъект – в форме пассива: *Гостиницы не построено*. Так что нельзя говорить о семантике предложения с генитивным субъектом, не вдаваясь в лексическую семантику глагола.

В настоящий момент мы имеем достаточно стройную семантическую картину генитива субъекта, см. обзор литературы в [Падучева 2005] и в [Borschev, Paducheva, Partee et al. 2006]. И это создает базу для семантического подхода к генитиву объекта. Исходная предпосылка в данной статье: относительно простая семантика генитивного субъекта проливает свет на более сложную семантику генитива объекта. Отметим несколько самых существенных моментов.

Связь лингвистики с логикой и прогресс в лингвистической теории референции, ознаменовавший 70–80-е годы прошлого века, подарили лингвистам понятие РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО (денотативного) СТАТУСА именной группы (ИГ) и экспликацию статуса через существование и знание. Компоненты “существование” и “(не)знание” вошли в экспликацию статусов именной группы. Стали ясны связи между определенностью (т.е. конкретной референцией) и ПРЕСУППОЗИЦИЕЙ (презумпцией) существования; ср. инференции типа:

конкретно-референтная ИГ $\supset$ ‘существует и единствен X такой, что ...’;
(не)определенная ИГ $\supset$ ‘я – говорящий – (не) знаю X-а’.

Вошло в лингвистическую практику понятие СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ, без которого сейчас немислимо описание не только кванторных, но и обычных слов в языке. Получили общее признание presuppositions.

Выяснилась специфическая роль, которую играет в семантике лексики компонент “восприятие”. Есть очевидная импликатура:

вижу X $\supset$ ‘X существует’

(например: *я вижу слезы* $\supset$ ‘слезы есть’). Интересно, однако, что семантический переход может идти и в обратную сторону: одно из активно действующих правил семантической деривации –

не вижу X-а $\supset$ ‘X-а не существует’

(так, *интереса не наблюдается, улики не обнаружилось* $\supset$ ‘их нет’), см. [Падучева 2004: 150].

Компонент “восприятие” входит в семантическую структуру самых разных глаголов – в частности, под видом наблюдателя (см. о наблюдателе [Апресян 1986]). Наблюдатель мыслится как один из участников ситуации – как воспринимающий субъект в ранге За кадром. С помощью наблюдателя решилась загадка локативного *быть* [Падучева 1992], который считался вопиющим исключением в классе генитивных глаголов¹, поскольку будучи глаголом локализации, он при отрицании оформляет субъект генитивом, как глаголы существования. На примере глагола *быть* была осознана важность концепта НАБЛЮДАЕМОЕ ОТСУТСТВИЕ в русской языковой картине мира – наряду с наблюдаемым признаком (*у белеть*), наблюдаемым движением (*у мелькать*) и др. Наблюдаемое отсутствие будет одним из ключевых понятий в дальнейшем.

Для проникновения в семантику генитива объекта первостепенное значение имеют успехи, достигнутые за последние годы лексической семантикой (работы Ю.Д. Апресяна, Анны Вежбицкой, Ч. Филлмора, Б. Левин, М. Раппапорт). Одни и те же компоненты – существование, восприятие, знание – выявляются при лексическом разложении генитивного глагола и грамматическом анализе семантики генитива. Именно этим компонентам обязаны своей генитивностью глаголы создания, местонахождения, обладания, перемещения. Тем самым стала понятна роль лексического класса глаголов в конструкции с генитивным субъектом; выяснилась природа взаимодействия референциальных и лексико-семантических аспектов структуры предложения с генитивным субъектом в отрицательном предложении. Осознана внутренняя связь семантики генитивного глагола с семантикой генитивной конструкции: она может быть представлена как семантическое согласование.

Уже в 80-е годы были выявлены ограничения на референциальный статус актанта у некоторых глаголов и глагольных классов (см., в частности [Булыгина 1982; Падучева 1985: 103–105]). Теперь ясно, что связь между референциальным статусом участника и семантикой глагола предопределена наличием в толковании глагола и в семантике статуса одних и тех же смысловых компонентов: компоненты существование, восприятие, знание входят и в семантику глагола, и в экспликацию статусов. Так, компонент “существование” входит в семантику глаголов создания; поэтому:

- (1) а. *У построил X* $\supset$ ‘*У* сделал так, чтобы *X* существовал’;
- б. *У не построил X-а* $\supset$ ‘*X-а* не существует’.

Перцептивный компонент входит в семантику глаголов обладания и перемещения; поэтому:

- (2) а. *У получил X* $\supset$ ‘*X* вошел в поле зрения *У-а*’;
- б. *У не получил X-а* $\supset$ ‘*X-а* нет в поле зрения *У-а*’.
- (3) а. *X пришел* $\supset$ ‘*X* вошел в поле зрения *У-а*’;
- б. *X-а не пришло* $\supset$ ‘*X-а* нет в поле зрения *У-а*’ (где *X* – предмет).

В современной семантике большое место занимает онтология: стали реальностью тематические классы глаголов и имен². В [Restan 1960; Timberlake 1975; Klenin 1978; Mustajoki, Heino 1991] была убедительно описана роль оппозиции “конкретный vs. абстрактный объект”³. У имен разных тематических классов разный РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ. Скажем, предпочтительный генитив объекта, выраженного именем свойства (как во фразе *Не люблю высокомерия*), естественно связать с ингерентной нереферент-

¹ Во многом близкое решение проблемы генитивного субъекта глагола *быть* предложено в [Борщев, Парти 2002], где введено понятие центра перспективы.

² В работе используется таксономия, отраженная в Национальном корпусе русского языка (адрес в Интернете – www.ruscorpora.ru); см. также о таксономических разработках в рамках системы “Лексикограф” в [Кустова 2004; Падучева 2004].

³ В Национальном корпусе это оппозиция “предметное vs. непредметное имя”.

ностью абстрактных имен (впрочем, возможно и другое объяснение – через паритивную семантику генитива, см. примеры (3)–(7) в разделе 2).

Итак, повторим. В основе нашего подхода к генитиву объекта лежит следующая гипотеза: **смысловые компоненты, которые определяют семантику генитивного субъекта, входят также и в семантику генитива объекта.** Следует ожидать, что генитив объекта в отрицательном предложении может, аналогично генитиву субъекта, либо выражать несуществование, либо маркировать отсутствие объекта в поле зрения наблюдателя или, шире, в его личной сфере.

Семантика генитива субъекта определялась простым правилом: в контексте глагола существования генитив выражает несуществование, а номинатив – определенность, т.е. конкретную референцию субъекта; в контексте предиката восприятия генитив не обязательно выражает несуществование; он может выражать всего лишь отсутствие Вещи в поле зрения (Вещь и Место – названия участников ситуации местонахождения – из [Борщев, Парти 2002]):

(4) *Машу* не видно [Маша здесь, но наблюдатель ее не видит];

Маши не видно [наблюдатель не видит Маши и, скорее всего, ее здесь нет].

Для генитива объекта правило выбора падежа сложнее: несомненна зависимость от большого числа условий, которые не всегда поддаются семантическому истолкованию. Самая общая идея та же: аккузатив маркирует определенность, конкретную референцию, а генитив выражает нереферентность, неопределенность или неизвестность. Однако оговорок, уточнений и стилистических оттенков, обусловленных меняющейся нормой, здесь гораздо больше.

Итак, намечается следующий общий план исследования генитива объекта. При отрицании предложения с переходным глаголом может меняться референциальный статус объектной ИГ. Например, в (5а) ИГ *машину* неопределенная, но референтная. Однако *машина* в (5а) выделена только тем, что Джон ее купил. Так что в отрицательном предложении (5б) ИГ объекта может быть нереферентной, и это выражается генитивом:

(5) а. Джон купил *машину*;

б. Джон не купил *машины*.

Смысловые компоненты именной группы, эксплицирующие ее референциальный статус, – это существование, восприятие, известность (знание). Так что существенными в семантике глагола – с точки зрения возможного взаимодействия со статусом ИГ в контексте отрицания – должны быть именно эти три компонента. С этой точки зрения мы и будем смотреть на классы глаголов, допускающих генитив объекта.

Лингвистические понятия определенность и неопределенность нуждаются в уточнении. Определенность не обязательно предполагает референтность: она не обязательно связана с пресуппозицией существования Вещи (см. в [Падучева 1977] попытку свести определенность к прагматической ПРЕСУПОЗИЦИИ ИЗВЕСТНОСТИ, отличной от обычной пресуппозиции существования). Это объясняет генитив в примере (6), где ИГ неререферентная – несмотря на определенность (выраженную указательным местоимением):

(6) *Этого письма* он не написал.

С другой стороны, в случае референтности пресуппозиция существования и единственности – нечто меньшее, чем определенность. Именная группа является определенной, если, употребляя ее в высказывании, говорящий имеет в виду какой-то объект. Между тем, в случае атрибутивной референции (по Доннеллану) есть пресуппозиция существования и единственности, но нет референции к какому бы то ни было объекту в поле зрения или личной сфере говорящего, см. [Падучева 1985: 96].

Традиционный термин “неопределенность” имеет еще менее ясный смысл; за ним скрывается по крайней мере три разных понятия: неререферентность (отсутствие пресуппозиции существования и единственности – как у ИГ *машины* в (5б)), отсутствие в поле зрения и незнание. Некоторые классы глаголов кодируют эти компоненты в своем лек-

сическом значении. Так, в семантику глагола создания входит идея существования; отсюда нереферентность ИГ *письмо* в (7а); глаголы восприятия, обладания и отчасти движения лексикализуют идею вхождения в поле зрения наблюдателя, как в (7б); семантикой незнания можно объяснить генитив объекта, возникающий в отрицательных предложениях с глаголами знания, см. (7в):

- (7) а. не написал *письма*;
б. не получил *ответа*;
в. не знаю *этой женщины*.

В контексте глаголов восприятия, знания, создания, обладания и движения (вхождения объекта в поле зрения наблюдателя) именная группа особым образом взаимодействует с семантикой глагола.

Еще во времена Пушкина употребление генитива объекта при отрицании считалось грамматической нормой, которую Пушкин сам признавал. В заметке “Опровержение на критики” (А.С. Пушкин. Соч. в 10-ти т. Т. 7: 173) он отстаивал право на вин. падеж только для ИГ, подчиненной инфинитиву (как в сочетании *два века в два века ссорить не хочу*) – опираясь на то, что “электрическая сила” отрицательной частицы не может действовать на расстоянии; за падежом объекта при отрицаемом глаголе он признавал необходимость быть генитивом. Сейчас следует скорее исходить из того, что и в этой позиции нормой является аккузатив, а генитив обусловлен специальными факторами. По крайней мере, это облегчает сопоставление русского языка с теми, где этот экзотический механизм выбора падежа прямого дополнения никогда не существовал или утратился (как во многих славянских).

2. ЗНАЧЕНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Начнем с того, какие вообще значения может выражать падеж.

1. Ролевая информация. Ролевая семантика эксплицируется компонентом/компонентами толкования глагола (см. [Апресян 1974: 125; Jackendoff 1990]). Так, в *разбил топор* слово *топор* – объект воздействия, а в *разбил топором* – орудие. Ролевую информацию родительный падеж выражает ограниченно – при глаголах с лексикализованной паритивностью (*прибавилось хлопот, недостает тепла* [‘в некотором количестве’], *недобрал одного балла* и проч.) или с лексикализированным отрицанием (генитив объекта у глаголов *лишить, избежать* можно связать с отрицанием в их семантическом разложении: *лишил X-а* = ‘каузировал X-а не иметь’; *Y избежал X-а* ⊃ ‘Y не имеет X-а’).

Однако такое прямое влияние отрицательного компонента на падеж объекта имеет место далеко не всегда; так, *игнорировать, скрывать* управляют аккузативом:

- не упоминает *Машу* / *Маши* – игнорирует *Машу* / **Маши*;
не показывает *Машу* / *Маши* – скрывает *Машу* / **Маши*.

2. Коммуникативный ранг. Например, падеж противопоставляет позицию Субъекта, центральную, периферийной (ср. *сад кишит змеями* и *змеи кишат в саду*); позицию Объекта, тоже центральную, периферийной (*заткнул в ату в щель – заткнул щель в атой*). О ранговых противопоставлениях, выражаемых падежом, см. [Тестелец 2001: 420].

3. Квантификация и референциальный статус. Именно это основная стихия генитива. Для субъекта в отрицательном предложении противопоставление номинатив / генитив отражает прежде всего референциальный статус участника (см. [Падучева 2005]). Так, в (1а) ИГ *ответ* в номинативе и референтная определенная: ответ существует, послан; в (1б) ИГ *ответа* генитивная и нереферентная – возможно, его и не было:

- (1) а. *Ответ* еще не пришел;
б. *Ответа* не пришло.

Можно думать, что генитив объекта, как и генитив субъекта, служит прежде всего для выражения референциального статуса ИГ. А именно, генитив объекта в отрица-

тельным предложении выражает нереперентность, а аккузатив маркирует определенную ИГ – референтную:

- (2) а. *Ответ мы не получили;*
б. *Ответа мы не получили.*

4. Генитив субъекта может иметь партитивное значение, т.е. обозначать некоторое количество, часть: для так называемого 2-го родительного партитивное значение является единственным (*Чаю у нас нет*), а для обычного – одним из возможных (например, генитив имеет партитивное значение в контексте *Соли у нас нет*, но не *качество соли*). В утвердительном предложении партитивное значение в ИГ субъекта выражается в русском языке ограниченно – в основном, в контексте глаголов с лексической партитивностью: *Работы прибавилось*. Нельзя сказать **В чашке осталось воды*, хотя с семантической точки зрения это безупречно. Но в отрицательном контексте, когда предложение уже и без того безличное, генитив в партитивном значении употребляется широко, ср. пример, который приводится в [Guiraud-Weber 1984] (с другой интерпретацией):

- Даже *лебедя* не выросла [родовая ИГ] –
Даже *лебеды* не выросло [партитивная].

В своем предисловии к [Babby 1980] Б. Комри усматривает в примерах типа (3) выраженный генитивом различие в сфере действия отрицания:

- (3) а. *Трава* здесь не растет;
б. *Травы* здесь не растет.

Между тем, есть более простое объяснение. Различие между (3а) и (3б) определяется тем, что (3б) – это отрицание для (4б), с осмысленным, но грамматически недопустимым партитивом; а (3а) – отрицание для нормального (4а):

- (4) а. *Трава* здесь растет;
б. **Травы* здесь растет.

В составе объектной ИГ для род. падежа нет синтаксических препятствий, род. падеж в партитивном значении употребляется (в контексте имен массы) гораздо более свободно – как в утвердительном предложении, см. (5), так и в отрицательном, см. (6):

- (5) а. Положи *соли* ['некоторое количество'];
б. Положи *соль* [нет указания на количество].
(6) а. Не клади *соли* ['никакого количества'];
б. Не клади *соль* [нет указания на количество].

Приняв во внимание партитивное значение генитива в отрицательном предложении, мы существенно расширяем возможности семантических объяснений. Ср. известный пример из [Томсон 1903]:

- (7) а. Кошка не ест *ветчины* [только вообще];
б. Кошка не ест *ветчину* [сейчас или вообще].

Аккузатив может быть понят и в родовом смысле, и в конкретно-референтном – применительно к данному куску в данном акте еды, как в (7б). А партитив, как в (7а), который, как всякий показатель количества, выражает неопределенность [Падучева 1996: 188], несовместим с актуальным – конкретно-референтным – значением несов. вида. Единственное возможное понимание для (7а) – с узуальным значением вида (и с родовою, а не партитивной интерпретацией ИГ объекта). Партитивное значение у генитива *ветчины* при актуальном понимании вида глагола исключено в отрицательном (7а) так же, как в утвердительном **Кошка ест ветчины*.

Одно и то же слово может пониматься как индивид и как имя массы. При этом если слово понимается как имя массы (например, *солнце* – в значении 'солнечный свет'), то обязателен генитив, ср.:

Я не вижу *солнце* – Они месяцами не видят *солнца*.

Партитивное значение возникает не только в контексте имени массы, но и в контексте счетного имени во мн. числе: имеется очевидное сходство между именем массы и мн. числом счетного имени (широко обсуждаемое в формальной семантике, см. [Bach 1986]). В [Падучева 1997] говорится, в связи с генитивом субъекта, что “множественное число способствует генитивной конструкции, поскольку превращает индивидуальное имя в имя массы; тем самым генитив получает партитивное значение и дополнительную семантическую мотивировку”.

Кроме того, согласно О. Есперсену [Есперсен 1958: 229], абстрактные имена метафорически категоризируются как имена массы. Возможно, именно это служит объяснением предпочтения генитива (в партитивном значении) в контексте этих имен:

не проявил *внимания*, не оценил *доверчивости*.

5. Генитив и лексическая семантика глагола.

а) Взаимодействие “по существу” между лексической семантикой глагола и генитивом объекта имеет место в контексте глаголов восприятия. В [Падучева 1997] было обосновано деление глаголов, допускающих генитивный субъект, на два класса: бытийные (типа *возникнуть*) и восприятия (типа *чувствоваться*, *наблюдаться*). Если в классе бытийных глаголов генитив субъекта в отрицательном предложении выражает нерелевантность, то при глаголе восприятия это всего лишь отсутствие в поле зрения; так, в (8) генитив не подвергает сомнению существование Маши:

(8) *Маши* дома не оказалось.

Генитив объекта подтверждает обоснованность этого деления. Глаголы восприятия обнаруживают несколько характерных особенностей в этом плане.

У глаголов восприятия генитив объекта-лица может выражать, как и генитив субъекта, не отмену презумпции существования лица, а всего лишь инференцию его отсутствия в данном месте. Так, фразой (9б) я не только сообщаю, что не видел Маши, но и даю понять, что Маша там, возможно, не была. А в (9а) ничего такого нет:

(9) а. Я был в Лондоне, но не видел *Машу* [$\approx$ ‘не повидался’];

б. Я был в Лондоне, но не видел там *Маши* [возможно, ее там не было].

Фраза (10) тем более означает не только ‘не вижу Машу’, но и ‘Маши здесь нет’ – не только невосприятие, но и отсутствие:

(10) Что-то я не вижу *Маши*.

Агентивность глагола (преднамеренность действия) тоже может играть роль:

(11) а. Я не встретил *Машу* [если имел в виду встретить];

б. Ты *Маши* не встретил? [если случайно].

Итак, в случае генитивного имени с незыблемой референтностью отрицание восприятия отрицает также местонахождение, но не распространяется на существование. Аккузатив, напротив, показывает, что нахождение Вещи в Месте не отрицается:

(12) Из-за тумана мы не видим на том берегу *деревню*.

Однако в контексте “менее референтных” имен генитив при глаголе восприятия может отменять и презумпцию существования; так, (13) и (14) – не что иное, как мягкий способ сказать, что рвения / оснований нет:

(13) Что-то я не вижу в вас *рвения*;

(14) Не вижу *оснований* так поступать.

В (15) несуществование является “законным” семантическим следствием ненаблюдаемости:

(15) не обнаружили *следов* пребывания человека.

При этом неважно, употребляется ли генитив в значении восприятия или ментальном:

не вижу ≈ не усматриваю *прогресса*.

В [Hunyadi 1981: 54] на примерах типа (16) говорится, что противопоставление генитива и аккузатива имеет э к з и с т е н ц и а л ь н ы е коннотации:

- (16) а. Я не вижу *карандаши*;
б. Я не вижу *карандашей*.

Точнее, однако, говорить здесь не о коннотации несуществования, а о коннотации *отсутствия* Вещи в данном месте. Именно эта коннотация связана с глаголами восприятия, и генитив выражает ее как в случае нереферентного термина *карандаши* в (16б), так и референтного *Маша* в (10).

Иногда противопоставление отсутствия и несуществования стирается; например, когда речь идет о Вещи, которая и не может существовать иначе как в данном Месте; или если существование Вещи в другом Месте нерелевантно. Например, когда говорят об отсутствии денег, обычно имеют в виду деньги в своем кармане. Генитив остается, однако, и там, где существование не подвергается сомнению, а отрицается только восприятие:

- (17) Никто не заметил ее *букета*.

Аспектуальный класс глагола тоже играет роль – стативность способствует генитиву:

- (18) а. *Этого процесса* никто не видел [глагол состояния; инференция несуществования];
б. *Этот процесс* никто не исследовал [глагол действия; presupпозиция существования].

Итак, генитив объекта при глаголах восприятия имеет особый – более богатый – спектр значений. Он может выражать отсутствие объекта в поле зрения, отсутствие объекта в данном месте и даже несуществование (в мире вообще). Так, предложение (19) имеет два понимания:

- (19) *Этой демонстрации* никто не видел =
а. с presupпозицией существования [генитив синонимичен аккузативу];
б. с инференцией несуществования [возможен только генитив].

б) Другой класс со специальным значением генитива объекта – глаголы знания. При глаголе знания определенная ИГ может (а иногда и должна) быть оформлена генитивом:

- (20) Я *этого* (**это*) не знаю.

Принципиальный характер имеет пример (21). Вин. падеж в (21а) подтверждает определенность, выраженную в составе именной группы местоимением *этой*; но тогда можно подумать, что генитив в (21б) противоречит определенности. Между тем, это не так. Употребляя генитив, говорящий всего лишь исключает объект из своей личной сферы (один из вариантов конфигурации “наблюдаемое отсутствие”):

- (21) а. Я не знаю *эту женщину*;
б. Я не знаю *этой женщины*.

Так что аккузатив выражает определенность, но определенность не обязательно требует аккузатива. Различие между (22а) и (22б) в том, что в (22а) говорящий включает Вещь в свою личную сферу, а в (22б) – нет:

- (22) а. Я не знаю *Машу Трофимову*;
б. Я не знаю *Маши Трофимовой*.

в) Генитив объекта употребляется в контексте интенциональных глаголов: глаголы *ждать, желать, искать, хотеть, (по)просить, (по)требовать* (возможно, также *найти*) допускают как генитив, так и аккузатив объекта.

В грамматиках русского языка не проводится различия между генитивом отрицания и генитивом интенциональных глаголов (проблема возможных связей между генитивом отрицания и объектным генитивом интенциональных глаголов была поставлена в [Partee, Borschev 2004]). Между тем в контексте глаголов *ждать* и *искать* уже в утвердительном предложении нереперентная ИГ почти обязательно оформляется генитивом; так, в (23а) аккузатив и реперентная ИГ; в (23б) ИГ нереперентная, поэтому генитив:

- (23) а. *ждать Машу*;
б. *ждать изменения ситуации*.

Генитив объекта при интенциональных глаголах, хотя бы и в отрицательном предложении, поскольку он не обусловлен отрицанием, остается за рамками данной работы.

6. Генитив и грамматическая форма глагола. Имеется очевидная корреляция между генитивом отрицания и несов. видом глагола; генитив может быть вполне естествен при несовершенном, но не при сов. виде глагола:

- (24) а. *Я не разбил чашки*;
б. *Я не разбивал чашки*.
(24') а. *Я не съел ветчины*;
б. *Я не ел ветчины*.

И наоборот, аккузатив может быть неуместен при несом. виде:

- (24'') а. *Мы не получили письмо*;
б. *Мы не получали письмо*.

Генитив невозможен в будущем времени. Будущее время несом. вида исключает генитив в партитивном значении – не только при единичном, но и при узуальном значении вида:

- (25) а. *Он не ест каши*; *Он никогда не ел каши*;
б. *Он не будет есть *каши*.
(26) а. *Ваше отсутствие не тормозило работу (работы)*;
б. *Ваше отсутствие не будет тормозить работу (*работы)*.
(27) а. *Я не стирала полотенце (полотенца)*;
б. *Я не буду стирать полотенце (*полотенца)*.

В сов. виде запрета нет:

- (28) а. *не решит задачу (задачи)*;
б. *не будет решать задачу (*задачи)*.

Корреляция генитива с видом составляет предмет отдельного исследования, и в данной работе о виде речи не идет.

3. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ОТРИЦАНИЯ

В литературе о генитиве отрицания получила распространение идея о том, что генитив выражает сферу действия отрицания, см. подробное изложение этой точки зрения и, фактически, ее опровержение, в [Partee, Borschev 2002].

В предложениях с конкретно-реперентными определенными ИГ можно считать сферу действия отрицания всегда максимальной (пресуппозиция существования и единственности выходит из-под отрицания по правилу о пресуппозициях, а не сферы действия). Так что речь может идти только о предложениях с кванторными словами в составе ИГ. В [Partee, Borschev 2002] отвергается предположение о том, что оппозиция им. и род. падежа в именных группах с *ни один* выражает различие в сфере действия. В самом деле, в примерах (1а) и (1б) генитив выражает различие в позиции наблюдателя (см.

[Падучева 1992]; в (1б) синхронный наблюдатель), а сфера действия отрицания в обоих предложениях одинаковая – максимальная:

- (1) а. *Ни один студент* не был на лекции;
- б. *Ни одного студента* не было на лекции.

Каждое кванторное слово требует, однако, отдельного кропотливого анализа. В [Timberlake 1975] приводится два примера с другими кванторными словами⁴, которые интересно рассмотреть в данной связи (эти примеры обсуждаются в проекте NSF Grant № BCS-0418311 to B. Partee and V. Borshev).

Пример 1:

- (2) Ты еще *многого* не знаешь.

В логической структуре, которую естественно сопоставить этому предложению, отрицание находится в сфере действия квантора *существует много*. Если заменить род. падеж на винительный, мы получим предложение (3):

- (3) Ты еще *многое* не знаешь,

которое отличается по смыслу от (2) тем, что имеет значение слабой определенности [Падучева 1985: 90–91]: ‘я, говорящий знаю, что именно ты не знаешь, а ты, слушающий, нет’. Сфера действия квантора остается неизменной, так что генитив сферы действия не выражает.

Пример 2:

- (4) Всѣ / знать невозможно \.

Отрицание этого типа было названо с м е щ е н н ы м – частица *не* стоит при глаголе, но по смыслу отрицание воздействует на квантор общности, см. пример смещенного отрицания из [Падучева 1974: 143]:

- (5) Он не решил всех \ ваших задач ≈ ‘он решил не все \ ваши задачи’.

В таком случае,

- (4) ≈ ‘не все можно знать’.

Что касается генитива в предложении со смещенным отрицанием, то он факультативен (хотя и предпочтителен); так, если взять не слово *невозможно*, а квазисинонимичное ему *нельзя*, то при нем допустимы оба падежа, без ощутимого различия смысла:

- (5) а. *Всего* знать нельзя;
- б. *Всѣ* знать нельзя.

В контексте *невозможно* генитив неуместен:

- (6) а. **Всего* знать невозможно;
- б. *Всѣ* знать невозможно.

Но описать различие между *невозможно* и *нельзя* таким образом, чтобы из него предсказывалось ограничение на генитив, мы не можем. Ясно только, что и в (5а) генитив не выражает изменения в сфере действия отрицания.

Более простые примеры взаимозаменимости генитива и аккузатива слова *всѣ*:

- (7) а. *Всего* не перестираешь;
- б. *Всѣ* не перестираешь;
- (8) а. *Всего этого* я не знал;
- б. *Всѣ это* я не знал.

⁴ Близкие примеры обсуждаются в [Klenin 1978].

Интересно, что если в (86) заменить *всё* на *ничто* (в соответствии с законом логики, который отлично работает в естественном языке ($\forall x \rightarrow P(x) \equiv \neg \exists x P(x)$)) генитив становится обязательным:

(5) *Всё это* я не знал $\approx$ Ничего *этого* я не знал.

Короче говоря, в предложениях с *ни*, *много* и *всё* противопоставление генитив vs. аккузатив сферы действия квантора не выражает; равно как и в предложениях с *никакой*; так, *Не читаю я никакой газету* = *никакой газеты*. Квантифицированные именные группы составляют особую проблему, и в данной работе они не рассматриваются.

И еще одно ограничение: мы не касаемся падежа объекта, подчиненного не непосредственно отрицаемому глаголу, а находящемуся при нем инфинитиву, как в *не может связать двух слов, не хочет сравнивать два века*. Тут совмещен референциальный эффект от личного глагола и от инфинитива, что приводит в действие совершенно новые факторы, которые надо исследовать отдельно.

4. ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА НОРМЫ

Начиная с XIX века в русском языке идет процесс убывания объектного генитива. Норма меняется, семантика противопоставления утрачивается. Как следствие – вариативность, см. [Guiraud–Weber 2002]. Поэтому интерпретация данных, полученных из корпусов и из ответов информантов, – это отдельная задача.

Мы исходим из того, что в русском языке генитив объекта, как и генитив субъекта, на какой-то момент получил определенную семантику, носителем которой сейчас является более старшее поколение. Грубо говоря, генитив выражает либо нереферентность, либо отсутствие Вещи в поле зрения или в личной сфере говорящего, а аккузатив – конкретную референцию.

Современное состояние определяется этой “семантической нормой” и двумя родами отклонений.

Отклонение 1, пережиток: семантическая норма требует аккузатива (поскольку в утвердительном предложении объект был референтной ИГ и отрицание не отменяет референтности: *уговорил / не уговорил Машу*); генитив – пережиток старой нормы. Так, в (1) современная норма требует оформления определенной ИГ *своей тещи* аккузативом; старая дает немаркированное употребление генитива, безразличное к определенности:

(1) Ипполит Матвеевич не любил *своей тещи* (Ильф и Петров. Двенадцать стульев).

Здесь варьирование падежа есть следствие неустойчивости нормы; аккузатив выражает (для носителя средней нормы) определенность, а генитив с *н и м а е т* смысловое противопоставление по определенности. Кроме того, генитив вызывает то характерное стилистическое ощущение старомодности, которое обычно возникает от устаревшей нормы (см. об истории употребления генитива объекта в [Крысько 1997]).

Отклонение 2, инновация. В данном контексте семантическая норма требует генитива, который выражал бы нереферентность, см. (2а); а аккузатив в (2б) – это результат наступления новой нормы, в которой семантика нереферентности, выражаемая генитивом, утрачена (или по крайней мере утрачивается):

(2) а. Она не несет за это *ответственности*;

б. Если что-то будет найдено при повторном обыске, она *ответственность* не несет (Изд. 2005 г.).

Выявлять семантику генитива объекта нужно исходя из существования этих трех хронологических слоев: семантической нормы, старой генитивной нормы и наступающей аккузативной.

На первый взгляд кажется, что достаточно различить две вещи: семантическое противопоставление аккузатив–генитив и вариативность, т.е. отсутствие противопоставле-

ния. На самом деле не совсем так. Там, где речь идет о сохранении старой нормы, аккумулятив однозначно выражает одну из двух возможностей – определенность; а генитив может употребляться не только в своих основных значениях (нереферентность, отсутствие в поле зрения), но и как немаркированный падеж, см. пример (1) раздела 4. Если же речь идет о наступлении новой нормы, то генитив имеет свои основные значения, а аккумулятив снимает противопоставления.

5. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕННОЙ ГРУППЫ

Итак, для объекта, как и для субъекта, решающим фактором, который определяет предпочтение генитива объекта перед аккумулятивом, является нереферентность и наблюдаемое отсутствие. Для индивидуальных имен правило выбора падежа в первом приближении следующее: если объектом в утвердительном предложении была конкретно-референтная ИГ, то в отрицательном она останется таковой, и объект будет в аккумулятиве; если же в отрицательном предложении ИГ не соотнесена с конкретным объектом в поле зрения говорящего, следует ожидать генитива.

Референциальный статус ИГ в предложении определяется двумя факторами (см. [Timberlake 1975; Klenin 1978]):

- 1) референциальный потенциал имени;
- 2) референциальные предпосылки глагола относительно референции имени.

Начнем с имени. Поскольку квантифицированные ИГ мы исключили из рассмотрения, то референциальные свойства именной группы могут зависеть только от таксономии имени. Следует различить следующие тематические классы имен.

Имена класса ЧЕЛОВЕК (например, имена собственные) максимально индивидуализированы; лицо – самый референтный индивид; отсюда различный выбор падежа при одном глаголе:

- (1) а. не брала с собой сумку / сумки;
б. не брала с собой дочь /² дочери.
- (2) а. Он не отдал мне ключ / ключа;
б. Он не отдал мне дочь /² дочери.

Принадлежность имени к классу ЧЕЛОВЕК объясняет аккумулятив в (3); что же касается (4), то, не исключено, здесь играет роль то, что часть тела (*лицо*) – это часть⁵:

- (3) Я еще толком не рассмотрел *эту самую Катрин* в черной замшевой куртке и мужском черном берете с красным треугольником у виска <...>, а в прихожую уже вошел молодой человек (В. Слипенчук. Зинзивер).
- (4) Этот зонтик был у какой-то дамы, я видел ее вместе с Куколевым накануне его убийства, но *лица* не рассмотрел (Л. Юзефович. Дом свиданий).

У имен класса ЖИВОТНОЕ тоже есть предпочтение к референтному употреблению, но менее сильное, так что допустимо не только (5а), но и (5б), даже если собака одна и определенная:

- (5) а. не взял собаку;
б. не взял собаки.

У предметных имен не лица референциальный статус зависит от контекста. Наименования, построенные на основе функции (назначения) предмета, теряют индивидуальность и легко переходят в родовую статус; так что генитив возможен даже в случае единственности объекта:

- (6) не взяла с собой свою палку / своей палки; не взяла ключ / ключа.

Функциональность собаки объясняет и генитив в (5б).

⁵ Здесь и ниже примеры со ссылкой на источник – из Национального корпуса русского языка.

Непредметные имена свойств и состояний (*малодушие, уныние*) (абстрактные по [Timberlake 1975; Mustajoki, Heino 1991]) максимально нереферентны.

В [Mustajoki, Heino 1991] используется, при дистрибутивном анализе генитива объекта, более дробная классификация имен. Например, различаются абстрактные имена с позитивным значением (*удача, успех, слава*) и с негативным (*порок, трата, малодушие*), поскольку позитивные статистически чаще употребляются в генитиве. Однако скорее всего это различие обусловлено тем, что слова *удача, успех, слава* употребляются, в основном, в контексте глаголов приобретения (*добился успеха*), которые принадлежат к числу генитивных.

6. ГЕНИТИВНЫЕ И АККУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Генитив субъекта получил убедительную семантическую трактовку после того, как удалось связать семантику генитивной конструкции с лексической семантикой генитивного глагола: под отрицанием генитивный глагол может выражать: а) несуществование Вещи, б) ее отсутствие в поле зрения, в) неизвестность. Но именно эти компоненты и составляют семантику генитивной конструкции отрицания. Так что можно говорить о своего рода семантическом согласовании между грамматической семантикой падежа и лексической семантикой глагола. Попытаемся сделать то же самое для генитива объекта.

Разделим переходные глаголы на два класса. Глаголы групп G.1–G.5 генитивные – в том смысле, что могут иметь под отрицанием генитивный объект. Это глаголы создания, восприятия, знания, обладания, движения (к наблюдателю). Их семантика такова, что отрицание высказывания с этим глаголом означает, что объект либо не существует, либо не входит в поле зрения субъекта, либо в его сферу сознания, либо в его личную сферу.

Глаголы групп A.1–A.3 аккузативные. Они, напротив, предсказывают референциальный статус ИГ объекта как конкретно-референтный. Определенность (конкретная референтность) ИГ в исходном предложении сохраняется в отрицательном и оформляется аккузативом.

Если в случае генитива субъекта достаточно было выявить как семантически специфичный только класс генитивных глаголов, то здесь полезно иметь в виду оба класса, поскольку в обоих, в принципе, у глагола могут быть вторичные употребления, при которых он переходит из одного класса в другой.

Генитивные глаголы

G1. Глаголы с о з д а н и я. Создание – это каузация существования; возникает новая, ранее не существовавшая Вещь. Отрицание глагола с такой семантикой означает, что Вещь не существует; эта нереферентность ИГ объекта и выражается генитивом. Примеры:

- (1) не вырыли канавы, не составляли библиографии, не будет доставлять затруднений, не писал мемуаров, не чувствовал раскаяния, не перечислить всех примеров, не дает поводов <успокаиваться>, не сделал попытки, не ставит запятой <перед “что”>, не готовила обеда, не пекли пирогов, не снимали копии с этого документа, не создали условий.

Создание понимается достаточно широко. Например, у глагола *выбрать* объект обозначает Результат, и такой объект тоже оформляется при отрицании глагола генитивом:

- (2) не выбрали старосты; он пока не выбрал себе квартиры.

Но глагол создания совместим и с вин. падежом; вин. падеж может выражать присутствие предварительного образа Вещи в сознании Агенса:

- (3) не написал статью <, которую хотел написать>.

G2. Глаголы в о с п р и я т и я – *видеть, слышать, чувствовать, замечать*. С генитивностью глаголов восприятия мы знакомы по генитиву субъекта. Они допускают противопоставление вин. и род. падежа в одном и том же контексте.

а) Если падеж винительный, то отрицается только восприятие – говорящий допускает, что Вещь присутствует в Месте.

б) Если генитив, то возникает, в дополнение к утверждаемому отрицанию восприятия, инференция отсутствия Вещи в Месте или в личной сфере субъекта:

(1) не вижу *Маши* $\supset$ *Маши* здесь нет.

Про предложение (2) в [Апресян 1985] говорится, что в нем генитив дублирует идею неизвестности, выраженную в глаголе:

(2) Я не слышал *этой сонаты*.

Другие примеры:

(3) а. Майор как будто не слышал *этой фразы* (Г. Матвеев. Зеленые цепочки).

б. Майор никогда еще не слышал *эту песню* (В. Белов. За тремя волоками).

(4) Я не знал, кто такой Ленин, никогда не слышал *этой фамилии* (Б. Ефимов. Десять десятилетий).

Впрочем, в (5) генитив при очевидной известности:

(5) Больше месяца не слышал *этой музыки* (Э. Казакевич. Звезда).

В (5) ИГ одушевленная, и дополнение в аккумулятиве:

(6) Тогда почти никто не слышал *эту группу*, но знатоки говорили, что круто (А. Вьяльцев. Путешествия в одну сторону // Звезда. 2001. № 6).

Если имя абстрактное, то генитив предпочтителен:

(7) Я нигде не встречал такого *безразличия*.

Генитивное поведение глагола *читать* можно объяснить его принадлежностью к глаголам восприятия. См. пример (8), где ИГ с указательным местоимением, несмотря на определенность (и, следовательно, конкретную референцию), стоит в генитиве:

(8) Ни при какой погоде Я *этих книг*, конечно, не читал (С. Есенин).

G3. Глаголы з н а н и я (*знать, понимать, помнить*). Генитив подчеркивает идею неизвестности, незнания, уже выраженную в глаголе. Поэтому в контексте глагола знания возможен генитив, исключенный, например, в контексте глагола воздействия:

(1) а. Я не понимаю *этой женщины*;

б. *Я не бью *этой женщины*.

Объект глаголов *знать, понимать, помнить* часто является именем параметра:

(2) не знает *имени, названия, автора*;

не понимает *причин, преимуществ, ценности, отличия*;

не помню *фамилии*; Рита сказала, что не помнит *телефона* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги).

Глагол *знать* генитивный также и в выветренных употреблениях, где он, в контексте отрицания, выражает просто несуществование (*Искусство не знает титулов* = 'в искусстве нет титулов'):

(3) Искусство не знает *титулов и рангов*, – горячо возразила я (С. Довлатов. Дорога в новую квартиру).

(4) Я, честно говоря, не знаю *заведений* подобного формата ни в Москве, ни на Западе. (Изв. 13 окт. 2002 г.)

Восприятие концептуализуется как нахождение в поле зрения; а знание – как нахождение в сознании или памяти, т.е. в том или ином пространстве, составляющем личную сферу субъекта.

Контекст глагола знания дает возможность выбора падежа:

- (5) а. Он не знает *дороги* к партизанам, – ответила мать (А. Рыбаков. Тяжелый песок).
б. Вы не знаете *дорогу* к яме? (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Г4. Глаголы о б л а д а н и я. При глаголах обладания широко употребляется генитив объекта. В утвердительном предложении с глаголом обладания ИГ объекта референтная: Вещь входит в мир / в поле зрения / в личную сферу субъекта. Соответственно, в отрицательном предложении Вещь остается за пределами поля зрения:

- (1) не достал *билета*, не купил *машины*, не имею *дачи* (*возможности, жены, данных, разрешения*), не будет доставлять *затруднений*, не приводил *примеров* другого рода, не приобрел *тетьшу подружки*, не дает *привилегий*, не получили *писем*.

Пример (2) демонстрирует роль определенности:

- (2) а. Вчера мне не дали *это письмо* [письмо в руках];
б. Вчера мне не передали *этого письма* [письмо далеко].

Таким образом, генитивность глаголов обладания тоже объясняется конфигурацией “наблюдаемое отсутствие”. Характерно совмещение значений несуществования, в (3б), и отсутствия в личном пространстве, в (3а), у глагола *получить*:

- (3) а. не получил *ответа*;
б. В результате она так и не получила *диплома* (С. Довлатов. Чемодан).

Г5. Глаголы п е р е м е щ е н и я (а именно, каузации перемещения). Объект будет в генитиве, если в результате перемещения Вещь должна была войти в рассмотрение, т.е. в личное пространство говорящего:

- (1) не вернул *словаря*, не взял своих *книг*.

Если движение не в сторону говорящего, то выбирается аккузатив:

- (2) не покинул *столицу*, не перешел *улицу*, не перенесли *ящики* в коридор, не перетаскивали *шкаф* в соседнюю комнату.

Двоякий падеж объекта глаголов перемещения известен и по субъектному генитиву, ср. пример из [Babby 1980]:

- (3) *Ответ* из полка не пришел – *Ответа* из полка не пришло.

Итак, генитив объекта свойствен глаголам, у которых утвердительная форма выражает возникновение Вещи в мире, появление ее в поле зрения или в сознании наблюдателя. В этом случае отрицание означает, что объекта нет – опять-таки, в мире, в поле зрения или в сознании. Иными словами, под отрицанием в семантике глагола возникает компонент ‘не существует / не вижу / не знаю’. Он и выражается, плеонастически, род. падежом. На этом фоне аккузатив, если он возможен, выражает определенность, знакомство говорящего с объектом.

Общее значение генитива в контексте пяти классов генитивных глаголов состоит в том, что Вещь либо не существует в мире, либо отсутствует в поле зрения / личном пространстве: это своего рода подтверждение локалистской теории падежа.

З а м е ч а н и е. В [Ицкович 1982: 41] родительный в примерах (а)–(г) признается употребленным “на месте ожидаемого винительного”. Между тем, при учете лексического значения глагола генитив в этих примерах полностью соответствует норме и никак не противоречит ожиданию. В (а) глаголы создания, в (б) – восприятия, в (в) – перемещения, в (г) – знания:

- (а) не воссоздает *картины*; не описывает *этого события*; не напишет ей *письма*;
(б) не различил *дороги*; не видит *трупов*; не услышал *ответов*; не нашел *Маши*;
(в) не приглашал *делегаций*; не посетил *музея*;
(г) не помнил родной *матери*.

А.1. Глаголы физического воздействия (такого как удар, давление, прикосновение, изменение положения, обработка). Воздействие, *hic et nunc*, предполагает определенный объект, поэтому при отрицании преобладает аккузатив:

- (1) Почему ты не побил *Ваню*? Он не погладил *рубашку*;
Не гаси *фонарь*; *Один орех* я не расколол.

Генитив в (2) звучит как устаревшая норма:

- (2) не открыли *дверей*.

В классе глаголов физического воздействия следует различить собственно воздействие и уничтожение (каузацию несуществования). Исходное утвердительное предложение с глаголом уничтожения означает прекращение существования. Тем самым отрицательное предложение с глаголом в сов. виде оказывается в каком-то смысле тавтологичным: оно утверждает то, что составляет его пресуппозицию, ср. странное *Он не отравил женщину*. Поэтому в таких предложениях почти обязательно возникают импликатуры (например, 'известно, что собирался', или 'ожидалось', и т.д.) – иначе предложение звучит странно, см. [Падучева 1996: 55].

Несов. вид способствует подавлению конкретной референтности. Генитив в этом случае выражает отрицание не только действия, но и существования / присутствия его объекта в поле зрения предполагаемого деятеля:

- (3) Я не разбил *чашку* – Не разбивал я <никакой> *чашки*.

Интересно, что объект глаголов уничтожения, несмотря на свою пресуппозицию существования, все-таки может быть выражен генитивом – особенно при несов. виде, как в (4а) и (5); иными словами, у глаголов уничтожения генитив семантически не мотивирован – они ведут себя аналогично глаголам создания:

- (4) а. Террористы не взрывали *газопровода*;
б. Они не построили *газопровода*.

- (5) Он соизмерял сегодняшние события с историческими фактами, цитируя Павла Рябушинского: "Господа социал-демократы, не разрушайте *здания*, в котором мы живём" (Время МН. 31 июля. 2003).

То же явление наблюдается в классе ментальных глаголов. Ср. *забыть* и *помнить*. Генитивность глагола *помнить* семантически мотивирована: *не помнить* выражает отсутствие в памяти, что соответствует конфигурации "наблюдаемое отсутствие". Однако генитивным является также глагол *забыть*, с пресуппозицией существования объекта, которая сохраняется при отрицании:

Никогда не *забуду выражения* растерянности и вместе с тем готовности к сопротивлению, которое было написано у него на лице, когда он выскочил на поверхность воды (Ф. Искандер. Мой кумир).

И вот тут, мне кажется, чрезвычайно важно, чтобы русский народ сейчас не *забыл сознания* единства, не *забыл ликования* о том, что все слились в единое чувство (Антоний, митрополит Сурожский. О событиях в Москве 19–22 августа 1991 г.).

Такую же пару составляют *найти* и *потерять*: при *не найти* генитив семантически мотивирован, а генитивный эффект у *не потерять* (*не терял времени, надежды, самообладания*) – это своего рода выравнивание по аналогии.

Аналогично с фазовыми глаголами, ср. *назначить* и *отменить*: у *не назначить* генитив семантически мотивирован, а генитивный эффект у *не отменить* (*не отменил собрания*) – нет.

Итак, при общем сходстве условий употребления генитивного субъекта и генитивного объекта, имеется отличие: у генитивного объекта уменьшается доля непосредственной семантической мотивированности падежа – в пользу аналогического выравнивания.

Аналогичные системные расхождения между субъектом и объектом (в субъекте – семантика, в объекте – аналогия) демонстрируются примерами:

- (8) а. *Сомнений не *рассеялось*;
б. Его приход не *рассеял* сомнений.
- (9) а. *Собрания не *отменено*;
б. Он не *отменил* собрания.
- (10) а. *Договора не *было нарушено*;
б. Они не *нарушили* договора.

Таким образом, стратегии выбора генитива для субъекта и объекта все-таки различны: в сфере субъекта генитив семантически мотивирован гораздо более последовательно, ср. различную генитивность глаголов *возникнуть* и *исчезнуть* [Падучева 1992].

А2. Глаголы *э м о ц и и* (а именно, каузации эмоционального состояния). Объект при таком глаголе, как правило, относится к классу ЛИЦО. Пресуппозиция существования остается неизменной при отрицании, так что падеж объекта винительный:

- (1) Сообщение не *испугало* (обрадовало, взволновало, обидело, рассердило, возмутило) Марию.

Глаголы эмоционального состояния допускают объект (не-лица) в генитиве:

- (2) не люблю *громкой музыки*; не люблю *этих книг*.

А3. Глаголы *р е ч и*. Если объект – имя лица, то падеж только винительный. Примеры глаголов, обладающих этим свойством:

вдохновить, вознаградить, воспеть, восславить, высмеять, допросить, заверить, инструктировать, назначить, настроить, научить, обвинить, обидеть, обмануть, обругать, описать, упрекнуть, оповестить, оправдать, (от)пустить, оскорбить, осудить, отметить, очернить, поблагодарить, поддержать, поддразнить, подозревать, пожалеть, позабавить, позвать, поздравить, познать, поправить, попросить, похвалить, предостеречь, предупредить, приветствовать, пригласить, приговорить, призвать, проклясть, простить, разоблачить, расспросить, спросить, убедить, уверить, уволить, умолять.

Глаголы речи с перлокутивным компонентом аккузативные, см. (1а); однако объект, который не является именем лица, может быть и в генитиве:

- (1) а. Она не простила *Машу*;
б. Мать не простила мне *моего замужества*.

Генитив в (2) можно трактовать как имеющий партитивное значение; *молодежи* = ‘никого из молодежи’:

- (2) Почему не пригласили *молодежи*?

Перечисленные глаголы концептуализуют ситуацию как воздействие. Если же семантика глагола может трактоваться как перемещение или помещение объекта в поле зрения (о соответствующей семантической деривации см. на примере *добавить* в [Падучева 2004]), то возможен генитив. Ср. глагол *упомянуть*, который означает введение в поле зрения:

- (3) Он не упомянул *твоей подруги*.

Итак, аккузативность глагола означает пресуппозицию существования и единственности или вхождения Вещи в перцептивное пространство / личную сферу говорящего.

7. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

При выборе падежа объекта в отрицательном предложении играют роль, помимо семантики глагола и референциального потенциала имени, и другие факторы.

Одно из первых различий, которое нужно провести, – между обычным отрицанием и контрастным, т. е. отрицанием, входящим в состав оборота *не ..., а* [Богуславский 1985]. Контрастное отрицание не дает генитива:

- (1) **Газет* он не читает, а просматривает.

Следует принять во внимание еще два специальных типа отрицания. Первое – это так называемое смещенное отрицание. В (2а) отрицание смещенное (и на кванторном слове обязательно должно стоять усиленное ударение); оно совместимо и с вин. и род. падежом:

- (2) Он не пропьёт *всех* \ денег (*все* \ деньги).

Второй тип – глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности, см. [Падучева 2005]. В таком контексте генитив практически исключен:

- (3) Он купит машину, если только не пропьёт *все* деньги (**всех* денег);
(4) Игоря душили полиэтиленовым пакетом, пока он не терял *сознание* (**сознания*).

Некоторые примеры запрещенного генитива, обсуждаемые в [Timberlake 1975] и [Mustajoki, Heino 1991], на самом деле объясняются глобальным отрицанием:

- (5) Если бы я не потерял *очки* (**очков*), не пришлось бы покупать новые;
Я бы его не испугался, если бы он не держал в руке *пистолет* (**пистолета*).
(6) И Илья, внезапно обессилев, опустился на пол спортивного зала и завертел бессмысленно головкой, пока вдруг не рассмотрел *что-то* маленькое и круглое под штангой (Д. Липскеров. Последний сон разума).

Препятствием для генитивного объекта служит утвердительное предположение (см. [Mustajoki 1985]):

- (7) Не держал ли он в руках *газету* (**газеты*)?

В примере (8а) утвердительное предположение, и выбирается аккузатив; без предположения, в (8б), – генитив:

- (8) а. Не знаешь, *пенсию* не дадут?
б. *Пенсии* не дадут.

В сочетании *чуть не* нет утвердительного предположения – в нем просто нет отрицания, так что генитив неуместен:

- (9) Я *чуть не* разбил рюмку.

Препятствием для генитива объекта служит наличие соподчиненного, особенно творительного предикативного ([Restan 1960; Равич 1971; Timberlake 1975] и др.):

- (10) а. Я еще не считаю *дачи*;
б. Я не считаю *дачу* своей собственностью.

Правда, в (11) объект в генитиве, несмотря на наличие соподчиненного; однако аккузатив был бы тут более уместен:

- (11) Вы не отличаете *таланта* от ремесленной работы.

Одно из условий на генитив субъекта состоит в том, что глагол должен занимать определенное место в тема-рематической структуре предложения – быть вершиной сферы действия отрицания, а не входить в сферу действия обстоятельства-адъюнкта [Падучева 1997]; в самом деле, в (12б) отрицаемый компонент является пресуппозицией и вообще не подвергается отрицанию:

- (12) а. *Реорганизации* НЕ было проведено;
б. *Реорганизация* не была проведена в срок (**Реорганизации* не было проведено в срок).

То же самое касается и генитива объекта – в (13) из-за наличия соподчиненного, предикация с финитным глаголом оказывается пресуппозицией и вообще не подвергается отрицанию:

- (13) не переходи *улицу* (*улицы) в ЭТОМ МЕСТЕ;
не закончили *работу* (*работы) до ТЕМНОТЫ.

То же в (14):

- (14) а. *Дверей* не закрывай;
б. *Двери* ПЛОТНО не закрывай.

В [Mustajoki, Heino 1991] перечислено огромное множество генитивных и аккузативных “факторов”, по каждому из которых проведено статистическое обследование. Работа содержит богатый материал и пищу для размышлений. Некоторые факторы, однако, сводимы одни к другим, и могут не рассматриваться как отдельные.

1. Согласно статистическим данным [Mustajoki, Heino 1991], генитив объекта преобладает у местоимения *это*. Можно думать, дело в том, что *это* чаще всего имеет антецедентом непредметное имя, и у него те же референциальные свойства, что у непредметных имен.

2. Вопросительные предложения и императивы обнаруживают процент аккузативов, превосходящий норму (в императивах 52,8% на фоне средних 37,1%). Объяснение может состоять в том, что вопрос и императив свойственны преимущественно разговорной речи, где продвинутая норма. Вообще, вопросительные предложения столь разнообразны по семантике, что статистика тут бесполезна для семантики.

3. В [Mustajoki 1985] (см. также [Guiraud-Weber 2002]) обсуждаются устойчивые сочетания типа *не обращай внимания, не играет роли*, с генитивным объектом. Едва ли, однако, это отдельный “генитивный фактор”. Генитив в этих сочетаниях является следствием непредметности и, соответственно, нереферентности имени в составе сочетания. Так, в *не морочь голову*, где имя относится к предметному Т-классу ЧАСТЬ ТЕЛА и имеет референт, напротив, возможен только аккузатив. Устойчивые сочетания – безусловно важный момент в условиях меняющейся нормы. Однако имеет смысл отличить те употребления, которые не соответствуют семантической норме потому, что остались от старого узуса (как *не сносить головы*), от тех, которые, напротив, являются “ростками нового”, как *не несет ответственность, не создали условие, не возбуждает жалость, не обращает внимание, не привлекает внимание, не придает значение*.

4. Не является отдельным фактором глагол *иметь* – достаточно знать, что это глагол обладания.

5. Партитивность связана с усиленным отрицанием: возникает смысл ‘даже части нет’. Это объясняет предпочтение генитива в контексте частиц *и, даже*, которые отмечены в [Mustajoki 1985] как отдельный фактор.

6. Предпочтение аккузатива в контексте *еще не, так и не* [Mustajoki 1985: 158] объясняется семантикой ожидания или нахождением объекта в общем поле зрения говорящих, следствием чего является определенность:

- (13) а. Я *еще* не достал *билеты* ([?]*билетов*) на “Щелкунчик”;
б. Я не достал *билетов* на “Щелкунчик”.

Семантику ожидания как фактор, объясняющий генитив субъекта, демонстрирует пример из [Падучева 1985: 107]; так, в (а) есть импликация ‘строительство гостиницы было запланировано’ или о ней шла речь; а в (б) ничего такого нет:

- (14) а. *Гостиница* не построена;
б. *Гостиницы* не построено.

Наше исследование подтвердило исходную гипотезу о сходстве семантики генитива объекта и субъекта. Падеж объекта (как и субъекта) в отрицательном предложении коррелирует с референциальным статусом ИГ. Если в исходном утвердительном предложении ИГ не была конкретно-референтной, при отрицании возникает семантический компонент 'объект не существует', который и выражается генитивом, см. (1а); генитив конкретно-референтного объекта выражает конфигурацию "наблюдаемое отсутствие", см. (1б):

- (1) а. написал *письмо* – не написал *письма* [объекта не существует];
 б. вижу *Маишу* – не вижу *Маши* [объект отсутствует в поле зрения].

Референциальный статус именной группы лишь отчасти выражен в ее собственной структуре; в существенной степени он предопределен тематическим классом и аспектуальной семантикой глагола. Например, у переходного глагола эмоции объект ЛИЦО имеет конкретно-референтный статус, и при отрицании выражается аккузативом:

- (2) а. обидел *Ваню*;
 б. не обидел *Ваню* (**Вани*).

Онтологическая природа имени в составе объектной (как и субъектной) ИГ тоже играет роль. Так, имена массы в отрицательном предложении обычно имеют генитив – в паритивном значении (поскольку в случае имен массы часть представляет целое). Мы рассматривали два класса именных групп – (I) индивидуальные (конкретно-референтные) и (II) родовые.

I. Если ИГ объекта индивидуальная, определенная, таксономический класс – лицо (например, это собственное имя), а глагол не имеет специально генитивной семантики, то в отрицательном предложении объект будет в аккузативе:

- (3) не побил *Ваню* (**Вани*); не оскорбил *дочь* (**дочери*).

Генитив в контексте глаголов восприятия, знания, обладания, перемещения выражает семантическую конфигурацию, которую мы назвали "наблюдаемое отсутствие". Это та самая конфигурация, которая была выявлена в [Падучева 1992] в качестве семантической основы генитива у глагола *быть*. Но при непереходном глаголе наблюдатель вынужден был ютиться за кадром; между тем, если глагол переходный, как в случае генитива объекта, то наблюдателем может быть лицо, обозначенное подлежащим:

- (4) а. *Вани* не б ы л о в школе [конфигурация "наблюдаемое отсутствие"; наблюдатель за кадром];
 б. П е т я не н а ш е л *Вани* в школе [конфигурация "наблюдаемое отсутствие"; наблюдатель – субъект].

В контексте глаголов знания наблюдаемое отсутствие (объекта или факта) – это неизвестность:

- (5) Я так и не узнал *конца* этой истории [⇒ 'я, говорящий, не знаю, чем она кончилась'];
 Он так и не узнал *конец* этой истории [⇒ 'я, говорящий, знаю конец'].

Конфигурация "наблюдаемое отсутствие" больше, чем традиционная определенность, говорит о природе конкретной референции; она выявляет общность концептов отсутствие и несуществование (не существует – в мире, отсутствует – в личном пространстве, см. [Падучева 1997]).

Показателен пример (6). В (6а), где аккузатив, речь идет, скорее всего, о книгах, которые находятся в пространстве говорящего – в его личной сфере; а в (6б) генитив выражает "наблюдаемое отсутствие" объекта в поле зрения / личной сфере:

- (6) а. *Твои книги* мне не нужны;
 б. Мне не нужно *твоих книг*.

В (7) мы имеем то же противопоставление:

- (7) а. Он так и не прочел *“Капитанскую дочку”*;
- б. Он не прочел *“Капитанской дочки”*.

Получил объяснение генитив в именных группах с местоимением *этот*. Сама по себе определенность не предопределяет выбора падежа: ИГ вида *“этот + существительное”*, предположительно определенная, может быть нереферентной (*не написал этого письма*) или входить в конфигурацию наблюдаемое отсутствие (*не знаю этой книги*). В обоих случаях мы имеем законный генитив.

Промежуточную референцию имеют имена предметов, предназначенных для выполнения какой-то функции. Они допускают и аккузатив и генитив, но смысловое противопоставление пока не удастся идентифицировать:

- (8) Жена не отдала мне *ключи / ключей* от гаража.

II. Если объект – имя массы, то генитив выражает партитивность, см. пример (7) в разделе 2. Возьмем в качестве контекста для ИГ родового статуса *не люблю* и близкие к нему (*не терплю, не пью, не ем*). Генитив дает акцент на количественном аспекте партитивного значения, а аккузатив противопоставляет данную субстанцию другим:

- (1) а. не ем *ветчины* – ‘несколько’;
- б. не ем *ветчину* – ‘в противоположность другим видам еды’.

То же для абстрактных имен, которые концептуализуются как массы:

- (2) а. не люблю *громкой музыки*;
- б. не люблю *современную музыку* [в противоположность другим видам музыки].

Примеры генитива в партитивном значении у абстрактных имен:

- (3) не получил *удовольствия*, не услышал в голосе *жалости*, не проявил *сочувствия*;
- не даете мне *работы, основания, возможности, права*.

Именно в этом контексте ощутимо наступление аккузатива (Национальный корпус показывает примерно одинаковую цифру – больше ста употреблений) и для *не несет ответственности* и для *не несет ответственность*.

Вернемся к связи между субъектным генитивом и генитивом объекта.

1. Наше исследование подтвердило целесообразность с е м а н т и ч е с к о г о подхода к генитиву отрицания: выявить семантические оппозиции, которые могут быть выражены меной падежа, оказывается легче, чем сформулировать правила допустимости вин. или род. падежа в том или ином контексте.

2. Подтвердилась референциальная основа семантики генитива. Эта основа для объекта и для субъекта одна и та же: генитив объекта, как и генитив субъекта, в случае индивидуального термина выражает либо нереферентность, либо наблюдаемое отсутствие. В контексте имен массы генитив объекта (как и субъекта) выражает партитивность.

3. Подтверждается роль лексической семантики как основы семантической интерпретации генитива. Другое дело, что для генитива субъекта достаточно было различить два класса глаголов – бытийные и восприятия, тогда как для генитива объекта классов значительно больше: устойчивый генитивный эффект дают глаголы создания, восприятия, знания, обладания, перемещения.

4. Единообразное толкование лексических и референциальных значений показало, что имеется семантическое согласование между глаголом и именной группой. Существование / несуществование, присутствие / отсутствие, восприятие / не-восприятие, знание / незнание входят и в лексическую семантику глагола, и в референциальную семантику именной группы. В сфере генитива объекта в полную силу проявили себя как генитивный класс глаголы знания (в сфере субъекта они почти не были представлены), что позволило поставить в связь семантику незнания в глаголе и неопределенность-неизвестность в именной группе.

До последнего времени работы о генитиве не касались семантики отрицания. Сейчас известно несколько разных видов отрицания: помимо обычного приглагольного (семантически общего) отрицания, есть отрицание контрастное, а также смещенное и глобальное отрицание. Эти различия существенны и для выбора падежа объекта.

При общем сходстве лексической базы генитивного субъекта и объекта, имеются и различия. Так, субъект глагола уничтожения, см. (4а), не может быть в генитиве, поскольку отрицание сохраняет презумпцию существования Вещи (*сомнений*); между тем в позиции объекта презумпция существования Вещи не препятствует генитиву, см. (4б):

(4) а. *Сомнения* не рассеялись (**Сомнений* не рассеялось);

б. Он не рассеял *моих сомнений*.

Вообще, семантическая мотивированность субъектного генитива более последовательна, чем объектного; подтверждением тому является, в частности, одинаковый генитивный эффект у глагола и его антонима (например, у *помнить* и *забыть*; у *найти* и *потерять* и др.).

Остается множество проблем, которых мы не касались (например, корреляция генитива с видом), или которые не удалось решить до конца (например, референциальные предпосылки, вытекающие из таксономического класса именной группы). Лексическая предопределенность референции является несомненным фактом, но лексическое значение глагола изменчиво, и его влияние на статус именной группы подлежит дальнейшему изучению**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1985 – Ю.Д. *Апресян*. Синтаксические признаки лексем // *Rling*. V. 9. № 2–3. 1985.
- Апресян 1986 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика*. Вып. 28. М., 1986.
- Арутюнова, Ширяев 1983 – Н.Д. *Арутюнова*, Е.Н. *Ширяев*. Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.
- Богуславский 1985 – И.М. *Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Борщев, Парти 2002 – В.Б. *Борщев*, Б.Х. *Парти*. О семантике бытийных предложений // *Семиотика и информатика*. Вып. 37. М., 2002.
- Булыгина 1982 – Т.В. *Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов* / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М., 1982.
- Есперсен 1958 – О. *Есперсен*. Философия грамматики. М., 1958.
- Ицкович 1974 – В.А. *Ицкович*. Очерки синтаксической нормы // *Синтаксис и норма*. М., 1974.
- Ицкович 1982 – В.А. *Ицкович*. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
- Крысько 1997 – В.Б. *Крысько*. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.
- Кустова 2004 – Г.И. *Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Падучева 1974 – Е.В. *Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1977 – Е.В. *Падучева*. Понятие презумпции в лингвистической семантике // *Семиотика и информатика*. Вып. 8. М., 1977.
- Падучева 1985 – Е.В. *Падучева*. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 1992 – Е.В. *Падучева*. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *RLing*. V. 16. 1992.

** Работа неоднократно обсуждалась на заседаниях семинара под руководством Барбары Парти в рамках проекта National Science Foundation, Grant № BCS-0418311. Многис примеры были предложены участниками семинара; однако за их трактовку автор отвечает сам.

- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1997 – *Е.В. Падучева*. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2.
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2005 – *Е.В. Падучева*. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // ВЯ. 2005. № 5.
- Равич 1971 – *Р.Д. Равич*. О выборе падежа прямого дополнения при переходных глаголах с отрицанием в русском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., 1971.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Томсон 1903 – *А.И. Томсон*. Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке // Русский филологический вестник. XLIX. Варшава, 1903.
- Babby 1980 – *L.H. Babby*. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, 1980.
- Bach 1986 – *E. Bach*. The algebra of events // Linguistics and philosophy. V. 9. 1986.
- Borschev, Paducheva, Partee et al. 2006 – *V. Borschev, E. Paducheva, B. Partee, Y. Testeleets, I. Yanovich*. Sentential and constituent negation in Russian BE-sentences revisited // Formal approaches to Slavic linguistics: The Princeton Meeting 2005. Ann Arbor, 2006.
- Guiraud-Weber 1984 – *M. Guiraud-Weber*. Les propositions sans nominatif en russe moderne. P., 1984.
- Guiraud-Weber 2002 – *M. Guiraud-Weber*. Le marquage différentiel de l'objet en russe moderne: quoi de neuf? // Essais sur le discours de l'Europe élargie. 2002. № 20.
- Guiraud-Weber 2003 – *M. Guiraud-Weber*. Еще раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны // R Ling. 2003. № 3.
- Hunyadi 1981 – *L. Hunyadi*. Отрицание и конструкции с числительными в современном русском языке // Annales Instituti philologiae slavicae universitatis debreciniensis de Lodovico Kossuth nominatae. Debrecen, 1981.
- Jackendoff 1990 – *R.S. Jackendoff*. Semantic structures. Cambridge (Mass.), 1990.
- Klenin 1978 – *E. Klenin*. Quantification, partitivity and the genitive of negation in Russian // B. Comrie (ed.). Classification of grammatical categories. Urbana, 1978.
- Mustajoki 1985 – *A. Mustajoki*. Падеж дополнения в русских отрицательных предложениях 1: Изыскание новых методов в изучении старой проблемы // Slavica Helsingiensia. V. 2. Helsinki, 1985.
- Mustajoki, Heino 1991 – *A. Mustajoki, H. Heino*. Case selection for the direct object in Russian negative clauses // Slavica Helsingiensia. V. 9. Helsinki, 1991.
- Partee, Borschev 2002 – *B.H. Partee, V.B. Borschev*. Genitive of negation and scope of negation in Russian existential sentences / Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics: the second Ann Arbor Meeting 2001 / J. Toman (ed.). Ann Arbor, 2002.
- Partee, Borschev 2004 – *B.H. Partee, V.B. Borschev*. The semantics of Russian genitive of negation: The nature and role of perspectival structure // Proceedings of semantics and linguistic theory 14 // K. Watanabe, R.B. Young (eds.). Ithaca; New York, 2004.
- Restan 1960 – *P.A. Restan*. The objective case in negative clauses in Russian: the genitive or the accusative? // Scando-Slavica. 1960. V. 6.
- Timberlake 1975 – *A. Timberlake*. Hierarchies in the genitive of negation // Slavic and East European journal. V. 19. 1975.